

— Ты самолет. Ты скоро улетишь, — Маша задумчиво смотрит в окно.

Я вздрагиваю. Какая же ты большая в свои шесть. Как ты всё понимаешь. Чего стоят мои три часа в неделю по сравнению с твоей вечностью здесь.

— Ничего не скоро. Мы же только приехали, — говорю я.

На входе нас встретили плюшевый мишка в клетчатом шарфике и незнакомый охранник в черной форме. Первый развалился в кресле-качалке и внимательно слушал. А второй всё спрашивал, бросая строгие взгляды поверх очков: «Вы родственники? Тоже отсюда? Жили здесь? С профессией как-то связано?». И мы с Аней устало повторяли: «Нет-нет-нет-нет», и мишка понимающе смотрел черными глазами-пуговками. А когда наконец охранник сдался, взял у нас паспорта и записал в журнал посещений фамилии, мы с Аней подмигнули друг другу, а по дороге в группу шутили: волонтер — это не профессия,

чего тут непонятного, вон даже медведь знает, а новенькому охраннику пойдй объясни.

Я тоже смотрю в окно. Сегодня пасмурно. Небо такое же растрепанное, в таком же застиранном платишке, как Маша, и под глазами у них синячки одного цвета, и одна печаль на душе.

Маша вертит в руках бумажный самолетик. А на подоконнике – целый аэропорт. Дети смастерили поделки, и Маша прямо с порога привела меня в класс похвастаться.

— Пойдем в зал играть, – предлагаю я. – Там Аня, ребята...

Аня ездит сюда уже несколько лет и знает столько игр, что любой аниматор позавидует. Она давно приглашала меня, но я всё отказывалась. Мол, не умею с детьми играть, боюсь. А еще кучу справок собирать. Да и времени нет: учеба, работа, переезды... Аня подбадривала: «Они сами все игры придумают. Ты только зайдешь – малыши сразу побегут к тебе, кто-то даже обнимет. Главное – быть с ними искренней. Они очень чувствуют фальшь. А справки никакие не нужны. Поехали!»

Однажды мне надоело бояться, и я поехала. Теперь каждую субботу возвращаюсь в детство: играю, бегая, прыгаю, песни кричу. Тело потом ноет, как после тренировки, в ушах звенит, а на душе – тихо-тихо. Будто ангел молчит о том, что живешь не зря.

— А что вы нам сегодня привезли? – спрашивает Маша в коридоре.

— Сюрприз, – улыбаюсь я.

Каждая наша поездка начинается с похода в магазин – за гостинцами. Фрукты, конфеты, печенье.... То самое, из детства, в бумажной обертке с хрустящим пергаментом внутри. Каждый раз, когда в суете супермаркета возле полки со сладостями соображаю, хватит ли упаковки на всю группу, у меня щемит сердце. Как же это грустно и неправильно – пересчитывать каждую конфетку... Но кошельки у нас с Аней стройные, совсем как мы. А ребят –

много. Правда, сегодня половина группы у родственников. На майские праздники взяли.

«Испекли мы каравай...» – в зале водят хоровод и поют. Только Толик одиноко сидит на стульчике и наблюдает. Скромный крепыш, обычно он молчит и внимательно смотрит на мир большими карими глазами в пушистых ресничках. Если его спросить о чем-нибудь, он смущенно улыбнется, проговорит ответ тихой скороговоркой и спрячет глаза.

В серединке нашего маленького хоровода – Лиза в нарядном платье. Тоненькая белокурая девочка с голубыми глазами, настоящая принцесса. Наверное, и мама у Лизы очень красивая. Здесь только у Толика нет родителей. Совсем. У всех остальных малышей – есть. Где они сейчас?..

— А на второй завтрак была дыня из Лизиной передачи, – говорит мне Маша.

— Здорово! Видишь, не забывают Лизу, с гостинцами приходят.

Маша удивленно смотрит на меня. Гостинцы домой приносят, а сюда – передачи.

«Вот такой вышины...» Рыжий мальчик с хитринкой в зеленых глазах подпрыгивает и смешит ребят. Это Данил, первый весельчак и выдумщик. Наверное, уже стал бы известным сказочником, если бы умел писать.

— А я в космосе был, – сообщил он в прошлую субботу. – Правда. Там, где Гагарин из ракеты вышел. Там наша планета такая огромная, как наша страна! И огонь из ракеты... Знаете, какой? Из роз и тюльпанов! А потом я полетел домой. У меня такой высокий дом... Целых десять этажей! Я однажды прыгнул в окно, мне потом пришивали руку и ногу. А отец мой тоже прыгнул – и до сих пор еще в больнице.

А у меня маленький домик с верандой и печкой. И мама. Далеко-далеко. В прошлой жизни.

«Вот такой низины...» Клетчатое платье с фартучком мягко касается пола, карее каре рассыпается в стороны. Это Тоня, девочка с серыми глазами и добрым сердцем. Она всегда приглашает Аню и меня отдохнуть с дороги, попить чаю, и мы не выходя из зала идем на кухню. Тут хорошо и уютно, и в пластиковом камине трещат пластиковые полешки, и в шкафчике аккуратно составлена цветастая посудка, и за столиком – четыре деревянных стульчика (даже я помещаюсь на таком), и в маленькой зеленой духовке всегда жарится нарисованная на дверце курочка гриль... Тоня достает нам кукольные пирожные на тарелочках, разливает чай из белого чайничка в розовые чашечки.

В хороводе Маша крепко держит меня за руку. С нашей первой встречи она ходит за мной по пятам, смешно и страшно ревнует. Однажды в шутку поставила меня в угол, когда мы с ребятами убежали играть в прятки без нее. Лиза тогда выдала: «Марина не твоя. У нее свои дети есть». Я улыбнулась. Свои пока только в мечтах.

— А мне недавно было пять, – шепотом говорит Данил, мой второй сосед по хороводу.

— А когда? – спрашиваю.

— Когда у Розы Витальевны день рождения был.

— Это какого числа?

Данил молчит и хитренько улыбается. Мол, помнить надо, когда воспитательница родилась. Маша слышит нас и смеется.

Каждый раз она бежит в прихожую с криком «Моя Марина! Моя!», расталкивая всех на своем пути, и долго-долго не выпускает меня из маленьких объятий. Наверное, зеркала притягиваются, отражаясь друг в друге. Мы с Машей удивительно похожи. Сколько раз я безмолвно кричала «мой!», «моя!», ревниво привязывалась и привязывала людей к себе, и не было мне счастья.

— Ребята, мы с вами поздравили Лизу, а теперь давайте почитаем, – предлагает Аня.

Толик так и сидит на стульчике.

— А ты почему с нами не играешь? – сажусь рядом с ним.

— Мне нельзя, – шепотом отвечает он, рассматривая узор на паласе. – Роза Витальевна...

— Пойдем скорее, – беру его за руку.

Толик благодарит испуганной улыбкой. У него ледяные пальцы и теплые глаза. Здесь ему часто достается, Аня рассказывала. Ребята пошумят, повздорят, воспитательница прибежит разбираться, и все загалдят: «Это не я», «Да он первый начал», а Толик молча опустит глаза. И на весь день лишится игр как самый виноватый. Совсем скоро он поедет в Италию. Его усыновляет русская семья, уже документы оформляют. Роза Витальевна говорила.

На прошлой неделе Лиза похвасталась: «А к нам тут мальчишки приходили, книжки красивые всем подарили» – и показала целую полку одинаковых голубых томиков в книжном шкафу. «Детская Библия» – прочитала я на корешке и взяла полистать. Яркие рисунки, мелованные страницы, в руках держать приятно. Только грустно, что в детском доме молельную комнату открыли, православного батюшку приглашают, а свидетели Иеговы приходят сами, без приглашения. Еще и книжки свои оставляют.

— Вот, почитайте эту. Мне мама подарила. Она всегда мне всё дарит, – Тоня протягивает Ане книгу Петра Синявского.

Солнечный софит за окном мягко подсвечивает Анино лицо и рыжие волосы, и голос ее летит, будто с высокой сцены:

*Коту прекрасно спится,
Коту котлета снится.
А рядом спят котята -
Им снятся котлетята.*

Ребята очень любят играть с Аней в парикмахерскую (особенно Толик и Лиза), делают косички

— А у меня знакомый в Европу скоро уезжает на стажировку, — говорит Аня. — Квартиру будет сдавать. Посмотришь?

— Да. Спасибо, Ань.

Первым с полдника прибегают Данил.

— Гулять! Гулять! Пошли гулять! — радостно кричит он.

Помогаем ребятам одеться. В прихожей у малышей кабинки с мультяшным героем снаружи и скромным гардеробом внутри. Машину одежду охраняет Микки Маус. В шкафу маечка, шортики, пара кофточек, кепка, штанишки, кроссовки. Всё.

У каждой группы в интернате отдельный выход на улицу, как подъезд в доме. Веселой толпой движемся к детской площадке, и теплый весенний ветер дует в лицо, и зеленые травинки тянутся вверх, к серому небу.

— Ой, одуванчики! — Лиза трогает мохнатый солнечный шарик.

— А растения живые? — спрашивает Маша.

— Да, — уверенно говорит Тоня.

— Нет, — спорит Маша. — У них даже глаз нет.

— А это что? — Лиза показывает на желтые серединки. — Смотрите, какие глазастые!

Смеемся. Девочки с Аней идут в песочницу, мальчики — на горку. Маша ведет меня на качели.

— А вчера был день войны, — говорит она.

— День Победы, — поправляю я.

У меня тоже была поляна рядом с домом, и скрипучие качели, и...

...и тут Данил с криком «Это фашисты!» несется к ограде, показывая пальцем на дорогу. Подбежавшие ребята со страхом разглядывают проезжую часть, вцепившись в синие кованые прутики.

— Почему? — спокойно спрашивает Аня.

— Они на мотоциклах! Я в кино смотрел, — отвечает Данил.

— Что ты! Это хорошие дяди едут. Радуются празднику. Мотопробег называется, – объясняет Аня, и ребята сразу теряют к дороге всякий интерес.

— Пойдемте лучше кататься! – приглашает Тоня.

На детской площадке стоит паровозик. Деревянный, зеленый, с веселыми голубыми полосками. Данил садится за руль. Маша и Тоня занимают места на скамейке в вагоне. Ждут, пока я заберусь. Данил спрашивает:

— Куда поедем?

Ребята хором отвечают:

— Домой!

И мы – едем.